

В ЖИЗНИ режиссера, особенно во время трудной съемочной работы, бывает всякое. Иной раз приходится и ударить кулаком по столу, и гневно выкрикнуть что-то перед лицом обессилевшего, потерявшего дисциплину коллектива. Не могу себе представить Тенгиза Абуладзе таким. Разве что он вдруг, на полуслове, запнется, снимет очки и начнет сосредоточенно протирать их платочком. Это — предельная степень возмущения, последняя попытка взять себя в руки. Последняя, но всегда удающаяся...

В 1963 году он выпустил фильм «Я, бабушка, Илико и Илларион». Эта повесть Нодара Думбадзе еще не была переведена на русский язык — и решили издать сценарий, несколько от нее отличающийся. Я был редактором, слева от меня сидел переводчик, справа — прекрасный русский прозаик, специально приглашенный следить

ных лаврах. Но Тенгиз Абуладзе и Резо Чхеидзе предлагают нам другую преемственность — удивления, поиска, безостановочного движения.

ОБА НАЧИНАЛИ как поклонники кинематографа литературного, актерского, образительного. Оба впоследствии облюбовали свои собственные пути, так что их ни с кем не спутаешь. И пусть в «Чужих детях» Абуладзе критики отыскали «пагубные» пятна неореализма, а его фильм «Я, бабушка, Илико и Илларион» называли то народной драмой, то трагикомедией, то сборником лирических новелл. Не все догадывались тогда, что тема художника, ставшая поистине темой всей его творческой жизни, — ответственность. Ответственность человека перед совестью, поколения — перед страной, народа — перед временем. Недавно открылся мемориальный комплекс, посвященный Нодару Думбадзе. Там, в камне, ожив-

можно, но завтра он станет позарез необходим.

Не сомневаюсь, что будет написана книга, как от замысла, вначале жестко документально, Тенгиз Абуладзе и его сценаристы Нана Джанелидзе и Резо Квесела вышли на простор безудержных аллегорий, как мятарства производственного характера вырастали в неожиданные жизненные злоключения.

Спрашиваю с услужливым участием:

— Это был немислимый, изнуряющий, ни на что не похожий труд, не правда ли?

— Да нет, — отвечает сдержанно Тенгиз Евгеньевич. — Работа, в общем, шла легко, с увлечением. Мы опережали все графики.

— Что касается Автандила Махарадзе, исполнителя обеих главных ролей, то его, конечно, вы наметили заранее?

— Ничуть не бывало. Он был в списке претендентов на равных правах со всеми. Пришел он пробовать на роль Авели. Но тут же строго объявил, что она ему не очень интересна, а вот Барлама он, кажется, знает, как надо играть. Мы поспорили и то, и другое. Я постарался всячески скрыть свое ошеломление — как если бы искал булавку, а нашел фантастический камень в дорогой оправе. Смутила будничность такой удаче: ни грома, ни молнии, и в списке еще столько претендентов. Но все во мне уверяло: другой подобной находки не будет. Я провел ночь без сна, а утром позвонил Автандилу и сказал: «Вы утверждены на обе роли».

На Всесоюзном Тбилисском кинофестивале помимо жюри действовал «ареопаг» из тринадцати строгих критиков. Оценки ставили по десятибалльной системе. «Покаяние» получило девять с лишним баллов. Следующий фильм имел «семерку с четвертью».

Многие оппоненты картины рассуждали так: спасибо фильму, что он сказал вслух и для всех то, что нам, в общем, было известно. Что касается его киноязыка, использующего пласты истории и отдаленных культур, то это кому-то может нравиться, а кому-то нет.

Доспорим через четверть века. Я — с теми, кто не видит в «Покаянии» круга «общезначимой информации». Показав тиранию не зверем, не дьяволом, а бесцветным, бесталанным существом с непомерными амбициями, фильм спрашивает каждого из нас: а ты — не кандидат в Варламы или хотя бы в Авели, если так развернется твоя судьба? Что до киноязыка, то экран показывает нам не только несомненное бытие, как и пристало его фотографической природе, но и то, что допустимо, предполагаемо. А рассказчик, при всей чужеродности фантазмагорических заострений, отличается строгой честностью, достоинством, философичностью и открытостью души, отчего исповедь превращается в проповедь. «С покаяния начинается нравственное возрождение» — так называлась рецензия на фильм в тбилисской газете «Коммунист».

НАРОДНЫЙ артист СССР Тенгиз Евгеньевич Абуладзе в последние дни все чаще и чаще зарывается о будущей работе. Решено, что это будет экранизация давнего романа Ильи Чавчавадзе. Решено, что события будут строго соответствовать первоисточнику, а вот художественное преподнесение их будет самое вольное.

Время покажет, будет ли это утверждением уже открытого им творческого стиля или новыми поисками.

Одно несомненно: Тенгиз Абуладзе остается самим собой.

В. ДЕМИН.

Знакомые имена

1949 - 1987 - 9 авг.

Тенгиз Абуладзе

за гладкостью слога. А Тенгиз Абуладзе, тогда еще неполных сорока лет, сидел напротив нас и читал текст. Читал невозмутимо, довольно тихо и как будто вовсе без выражения. А мы покатывались со смеху или замирали вдруг. Как тут думать о верности тона, искать стилистических «блох»? Этим мы занялись потом, по отдельности, склонившись над текстом, вне обманчивой простоты его обволакивающего голоса.

И сейчас Тенгиз Евгеньевич такой же — мягкий, сдержанный, чуть медлительный в движениях, с пристальным взглядом за аккуратными очками. Только чувствуется в нем усталость, накопившаяся не за последнюю неделю, а за несколько последних лет, прожитых в едином неотступном устремлении — работе над фильмом «Покаяние».

Я от души поздравил Абуладзе: на кинофестивале в Каннах «Покаянию» присужден специальный Большой приз жюри. Награда почетная — совсем недавно ее получали Тарковский, Бергман, Брессон. А еще — премия ФИПРЕССИ — международной организации киножурналистов. И приз Объединенной церкви, чрезвычайно популярный в Западной Европе.

Спрашиваю, как чопорная каннская публика вела себя на просмотре «Покаяния».

— Так же, как и наша. Смеялись в тех же местах, в тех же местах аплодировали. Может быть, шутки доходили чуть замедленнее. Как и весь сюжет. Но все в конце концов дошло. Так мне показало...

Шел он к этому фильму логикой всего своего творчества. Начиная с 1956 года, когда студенты-вживовцы зубрили сразу четыре незнакомых имени: «Лурджа Магданы» (Лурджа — ослик, Магдана — его хозяйка), «Чхеидзе» и «Абуладзе» — фамилии молодых героев дня, которые чуть не со студенческой скамьи умудрились получить за свой фильм-дебют Главный приз в Каннах по разделу короткометражных лент.

Прошумело тридцать лет, бывшие дебютанты давно уже стали законодателями мод в киноискусстве. Всем нам памятна недавние атаки на «маршалское» кино и преемственность «эпох» в искусстве, на благополучное почивание на обветша-

ленном рукой замечательного скульптора Бердзенишвили, встали перед нами герои повести в точном облике героев фильма — и лукавая бабушка, и едкий Илико, и ехидный Илларион, и даже собачка. Как понять этот редкий случай? Только так: кинолента выдержала экзамен на способность остаться в народной памяти.

Был еще озорной, дерзкий, бесшабашный фильм «Ожерелье для моей любимой». Были могучая «Мольба» и завораживающее «Древо желания», увешанные наградами, кажется, на всех континентах. «Покаяние» предлагается нам как их завершающая часть. И это оправдано — не в событийном, конечно, смысле: развивается все та же художественная тема.

Но было и еще нечто, что тоже хорошо бы учесть. Возвращаясь в Тбилиси из Еревана, Абуладзе попал в автомобильную катастрофу: у встречного самосвала заклинило тормоз на горной дороге. Его — единственного пассажира — вышвырнуло в дверцу, распахнутую от удара. Он пришел в себя после двух операций, тридцать часов спустя. И, должно быть, подумал: а зачем остался жив? Зачем решительная рука судьбы вынула его из этого кровавого столкновения?

И тогда, в самый разгар застойных лет, человек, еще не вставший с больничной койки, начинает работать над будущим «Покаянием». Он сочиняет набросок сценария и посылает его ответственному партийному руководителю — за советом и помощью. Ответ однозначен: да, это надо снимать. Сегодня такую фильм показать еще невоз-

тарченко, сл. Ю. Рыбчинского), «Незнакомна» — И. Николаев (муз. И. Николаева, сл. П. Жагуна), «Алло!» — А. Пугачева (муз. А. Пугачевой, сл. И. Николаева), «Вернисаж» — Л. Вайкуле, В. Леонтьев (муз. Р. Паулса, сл. И. Резника), «Моя любовь» — В. Кузьмин (муз. В. Кузьмина, сл. Т. Артёмовой), «Букет» — А. Барынин (муз. А. Барынина, сл. Н. Рубцова), «Выставка собак» — В. Леонтьев (муз. В. Леонтьева, Ю. Варум, сл. С. Осиацвили), «Норелва» — А. Пугачева (муз. А. Пугачевой, сл. И. Николаева), «Было, но прошло» — С. Ротару (муз. В. Матецкого, сл. М. Шаброва), «Не волнуйтесь, тетя!» — «Веселые ребята» (муз. В. Добрынина, сл. Л. Дербенева).

Напоминаем: открытки с названием вашей любимой песни направляйте по адресу: 103009, Москва-центр, Тверской бульвар, д. 10. ТАСС. «Опрос популярной песни».

Учитываются только открытки. Конверты вскрываться не будут.

(ТАСС).

Конкурс

Эстрадный олимп

Сразу два диска «Эпитафия» и «Мои дворы» ленинградского автора и исполнителя Александра Розенбаума вошли в июле в десятку наиболее популярных пластинок фирмы «Мелодия». Это зафиксировал компьютер ТАСС.

Вот данные по пластинкам за июль: «Эпитафия» — А. Розенбаум, «Минуточку!!!» — «Веселые ребята», «Моя любовь» — В. Кузьмин, «Счастье в личной жизни...» — А. Пугачева, «Вернисаж» — песни на стихи Ильи Резника, «Монолог о любви» — С. Ротару, «Хоть немного еще постою на краю» — В. Высоцкий, «Рени и мосты» (1-я пластинка) — группа «Машина времени», «Белая ночь» — группа «Форум», «Мои дворы» — А. Розенбаум.

Вот десять самых популярных композиций июля: «Белая ворона» — В. Леонтьев (муз. Г. Та-